

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЮБИЛЕИ

К 60-летию Центрального детского театра

...Из театра. Первый раз в жизни. Вокруг шли люди, ехали машины, которые тогда еще гудели.

Я часто думаю: что я в тот момент уявдел? За дверями театра осталась даже на вторая действительность, а как будто первая. Самая настоящая. То, что ехал и шел вокруг меня, участвовали в каком-то непонятном «театральном действии», необъяснимом, необходимом. Тут все требовалось описать, сыграть, поставить — я и слов-то таких еще не знал, но чувства испытывал именно эти.

Не важно, что я говорю сейчас о себе — это просто самый знакомый пример. Нас много, вышедших из дверей театра и увидевших все по-новому. В детстве все догадываются, что должно где-то существовать настоящее чудо, и театр — одно из первых и главных доказательств.

Нас, повторов с удовольствием, много. Нас, наварное, просто невозможно сосчитать. В дни, когда Центрального детского театру исполняется шестьдесят лет, это необычайно число становится особенно ярким на фоне вечернего звездного неба.

Это ведь одно из оснований для равноправной гордости начинающего зрителя: на главной театральной площадке страны — три самых замечательных театра — Большой, Малый, Центральный детский.

Потом я научился признавать сюда уже и без мамы. Я смотрел здесь «Сказки» Пушкина. А «Сомбреро» Сергея Михалкова стала для меня и моих друзей именно тем спектаклем, в кото-

рый мы играли. В пионерском лагере мы понаделали себе шляпы с широченными полями. Даже мушкетерам они шли бы больше, чем настоящие мушкетерские.

На режиссерско-театральной отделении Института культуры я полюбил это театр уже в третий раз. Теперь нас, студентов, интересовало, как все это делается.

Тая это и осталось у меня навсегда — тяга к театру, тяга к детству, тяготение к Центральному детскому театру. Работая для него, я всегда знал про себя, что рано или поздно приду в театр. В детский. Что в Центральный — это уже мне так потом повезло. Были сценарии чисто кинематографические, не оставлявшие ощущения недосказанности (хотя бы «Голубой портрет»), а были тайно театральные, которые из бы просились на сцену, — вот «Деревня Утна» и легла в основу спектакля «Шишюк».

Почему — удалось ли нам что-нибудь сделать для Центрального детского театра или мы просто зрители — мы всегда любили и будем любить его? По многим причинам.

Потому что здесь мы видели самые важные спектакли для самого важного, на мой взгляд, возраста. Тайно, внутри человека, он не кончается никогда.

Спектакли Центрального детского всегда говорили о большом времени, в котором жила страна. Поэтому они запомнились разными, ведь и время шло вперед.

Но всегда они приносили чистоту, свежесть первого взгляда на мир, высокий максимализм

нравственных требований и жизни. Поэтому спектакли Центрального детского стали звеньями одной хроники.

Театр всегда был убежден — и часто доказывал это, — что нет таких важных, волнующих взрослых население тем, которые нельзя было бы раскрыть своими средствами здесь, перед этим зрителем. А вот без таких специфических детских и юношеских «средств», а точнее без их взгляда на мир и на нас, на наши дела и проблемы, была бы беднее история нашей культуры. Может быть, это еще предстоит доказывать и учить, в искусствоведом, но многие, не один я, сегодня чувствуют именно так. Столкновение юношеского взгляда на мир с самим миром и создает часто большую литературу. Сейчас, скажем, необходимость охраны природы пробудила целые сферы чувств и мыслей. Я думаю, например, и о необходимости охраны фольклора.

Только фольклор мало ведь хранить даже в самых лучших музеях. Он, как и природа, должен быть живым, должен дышать, а дышать он может только воздухом своего времени — другого не бывает.

Сказка не только ложь, и в ней не только намерен. Сказка — это сложнейшая, отлаженная, тайная и вместе ясная-ясная система. Царевны и Золушки появлялись в ней тогда, когда они встречались в жизни. А лучшим или фем нужны были именно реальные, знакомые всем и каждому спорщики и полутяжи. Нужны они им и сегодня.

Центральный детский театр

берется и за эту проблему, которая, как оказывается, связана со многим из того, что написано во взрослых книгах, например, Распутина «Прощание с Матерой» и Астафьева «Последний поклон», со многим, о чем пишут и говорят взрослые. Не надо только бояться делиться с детьми всем, что нас радует и печалит.

У ЦДТ большие и замечательные традиции. Это драматургия Михалкова, Розова, Алексина, многих других известных авторов.

Есть у него и обязанность быть эталоном детского театрального искусства. Если телевизор — будни, кино — праздник, то театр — праздник второй. А мало ли трупп и спектаклей, не очень-то помнящих, для кого они — праздник...

Сейчас в ЦДТ пришел новый главный режиссер — Алексей Бородин, за плечами которого успешное руководство Кировским театром. Уже поставлены им два новых спектакля — «Три толстяка» Юрия Олеши и «Прости меня» Виктора Астафьева.

Центральный детский, наш юбилей, набирает свой темп. Ведь терять его он просто не имеет права. Его открытий, его шуток и раздумий ждут граждане третьего тысячелетия.

Александр
АЛЕКСАНДРОВ,
лауреат Государственной
премии СССР
и премии Ленинского
комсомола